

Александра Илларионовна Шувалова

То, что я помню

Одесские фрагменты

Публикуемый ниже текст я обнаружил в конце прошлого века в Риме в архиве ордена барнабитов – один из них, о. Агустин-Мария, в миру был графом Григорием Шуваловым (1804-1859), видным литератором и общественным деятелем, и его монахи-собратья устроили после его смерти целый шуваловский архивный фонд*. В нем наряду с собственными сочинениями бывшего графа нашлось много иной документации, в том числе и эти воспоминания графини Шуваловой, которые, судя по всему, передала барнабитам в Рим другая русская аристократка и жительница Италии, графиня Мария Васильевна Олсуфьева (1907-1988).

В процессе подготовки найденной рукописи к печати выяснилось, что у мемуаристки есть потомки, в первую очередь – ее внучка Александра Шувалова (названная в честь бабушки), современная жительница Парижа, которая, естественно, обладала мемуарами. Ее супруг, известный французский филолог-славист Антуан Нивьер, также подключился к работе над рукописью (пользуясь случаем, приношу этой чете живейшую благодарность), но, как бывает, дело затянулось, и мне показалось интересным в ожидании полной публикации предложить одесским читателям касающиеся их тексты – благо мемуаристка была супругой известного одесского губернатора.

Несколько слов об авторе публикуемого текста.

Графиня Александра (Сандра) Илларионовна Шувалова (Гомель Могилевской губернии, 25.8/7.9.1869 – Issy-les-Moulineaux, Seine 11.7.1959) –

* См. о нем мои публикации: Иеромонах Ордена барнабитов Агустин-Мария, в миру граф Григорий Петрович Шувалов // Страницы, № 6, 2001, с. 625-630; Итальянская поэзия графа Г.П. Шувалова // Русско-итальянский архив, под ред. Д. Рицци и А. Шишкина. № 4. Салерно, 2005, с. 294-316.

старшая дочь министра императорского двора графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, семья которого была особо приближенной к царской – в детстве Сандра, ее братья и сестры часто играли с детьми Александра III, о чем мемуаристка подробно пишет в своих записках. В 1890 г. она вышла замуж за гр. П.П. Шувалова, и у супругов родилось 8 детей (4 сына и 4 дочери). После революции графиня эмигрировала из России и обосновалась во Франции, став председателем Русского общества Красного Креста и деятельно помогая неимущим беженцам из России. Похоронена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Граф Павел Павлович Шувалов (1859-1905), ее супруг – именно ему преимущественно посвящены отобранные нами фрагменты, – отпрыск одной из блистательных аристократических семей, второй сын графа Павла Андреевича Шувалова и княжны Ольги Эсперовны Белосельской-Белозерской. В 1891 г. он стал адъютантом великого князя Сергея Александровича, а в 1894 году заступил в должность управляющего императорским двором. В 1898-1903 гг. занимал пост одесского градоначальника, в 1903 г. был назначен генералом для особых поручений при МВД. В апреле 1905 года Павел Шувалов был поставлен московским градоначальником вместо убитого 4 февраля великого князя Сергея. 28 июня 1905 г. он был застрелен эсером Петром Куликовским в собственной приемной градоначальника.

Михаил Талалай,
Милан

Мне давно говорят и мои дети, и друзья, чтобы я записала все, что я видела и слышала за свою полную интересных, скажу исторических, впечатлений жизнь. Я долго колебалась, да и сейчас колеблюсь, так как боюсь, что не осилю и впаду в общую ошибку авторов мемуаров – в отсутствие беспристрастности. <...>

Я родилась в 1869 г. в г. Гомеле (имении дяди Паскевича**). Постоянно мои братья и сестры дразнили меня словами: «знаем, кто родился в Гомеле». Должна я была родиться в конце июня,

** Имение Паскевичей располагалось во дворце, построенном Б. Растрелли; см. Морозов В.Ф. Гомельская усадьба Румянцевых-Паскевичей в конце XVIII – первой половине XIX века // Русская усадьба, № 2, с. 101-111. – Здесь и далее прим. Антуана Нивьера.

когда роды и начались, но вдруг оборвались, и лишь искусственно вызванные, вновь начались и благополучно окончились через два месяца. Таким образом, я – одиннадцатимесячный ребенок, и история моего рождения, не называя мою мать, была описана в медицинском журнале, так же, как и мой тиф, когда моя температура дошла до такой высоты, какую обыкновенно человеческий организм не выдерживает. <...>

В 1890 году зимою был поставлен в Эрмитажном театре «Царь Борис» гр. Алексея Толстого. Мои сестры Демидова и Пушкина и я, а также троюродная сестра Долгорукая (Ферзен), М.П. Альбединская (Чихачева)* и С.И. Всеволожская (гр. Граббе)** играли бессловесных боярынь, которые попарно шли впереди Царицы (М.А. Васильчиковой). <...> Докладчиком послон, приносивших поздравления Царю Борису в день его коронации, был Дм. Бор. Нейгардт***. Последним из послон был папский нунций (кн. С.М. Волконский****), затем шли мы (боярыни), и потом Царица. И вот, вместо того чтобы доложить папского нунция, Нейгардт сказал: «Пупций нанский», – и поправившись, – «Нанций пупский». Начался такой гомерический хохот на сцене, за кулисами и в зале, что пришлось приостановить представление и спустить занавес.

* Мария Петровна Альбединская (1863-1928), бывш. фрейлина, дочь Петра Павловича Альбединского (1826-1883), генерал-адъютанта, генерала от кавалерии ливонского, эстляндского и курляндского генерал-губернатора, и княжн. Александры Сергеевны Долгоруковой, вышла замуж за геолога Федора Платоновича Чихачева (1859 – 6.9.1919, Нижний Новгород).

** София Ивановна Всеволожская (17.9.1869 – 21.4.1952, Анжер, Франция), бывш. фрейлина, дочь Ивана Александровича Всеволожского (1835 – 28.10.1909), обер-гофмейстера двора е. и. в. и директора Эрмитажа, и светл. княжн. Екатерины Дмитриевны Волконской (1846 – 20.12.1898), вышла замуж за гр. Михаила Николаевича Граббе.

*** Дмитрий Борисович Нейгардт (17.6.1861 – 17.5.1942, Париж), тайный советник, сенатор, член Государственного совета, гофмейстер двора е. и. в.

**** Князь Сергей Михайлович Волконский (4.5.1860, Шлосс-Фалл, Эстляндская губ. – 25.10.1937, Сот-Спрингс, США), внук декабриста, театральный деятель и режиссер. С раннего возраста увлекался театром, вместе с братьями и сестрой устраивал домашние представления в доме Волконских на Гагаринской набережной. В 1890 г. исполнял роль папского нунция Миранды в спектакле «Царь Борис» на сцене придворного театра Эрмитаж, также первая постановка на русской сцене. С 1899 г. директор Императорских театров, эмигрировал в 1921 г. Автор книги воспоминаний (Волконский С.М. Мои воспоминания. – М.: «Искусство», 1992).

В 1904 г. весной я ездила с моим старшим сыном в Одессу, где он сдал переходной экзамен в той гимназии, где он учился, когда мы были в Одессе. Меня там чествовали, так как летом 1903 года мой муж покинул пост одесского градоначальника. Градоначальником тогда был Д.Б. Нейгардт, и вот на парадном обеде, данном им в мою честь, я ему, сидя рядом с ним, сказала после его тоста, когда он сказал, что мы с ним давно знакомы и вместе выступали на сцене Эрмитажного театра, – «я сейчас расскажу про пупция нанского». Он стал меня убеждать этого не делать и не портить его репутации.

Устраивали этот спектакль в[еликий] к[нязь] С[ергей] Алекс[андрович] и в[еликая] кн[ягин]я Елисавета Федоровна: он был великолепен. <...> Последние акты мы не фигурировали и, переодевшись, сидели в зале, и после последнего спектакля я сидела рядом с моим будущим мужем. На следующий день, когда я брала урок музыки, вошла его сестра гр[афиня] Фекла Павл[овна] Штакельберг**** и спросила меня: разрешаю ли я ей просить официально моей руки у моих родителей. И я стала невестою 6 февраля 1890 г.

Свадьба наша была 8-го апреля того же года в нашей домово́й церкви, в доме моих родителей на Английской набережной, № 10. Церковь эта была одной из походных церквей императора Александра I, во имя Св. Власия, и была подарена им моей прабабушке кн[ягин]е Бутера. Образа на иконостасе были работы Неффа, того самого, по рисункам которого были сделаны мозаичные образы Исаакиевского собора в Петербурге. На нашей свадьбе был весь Петербург. Церковь наша невелика, и в ней было место лишь для их величеств, нас, венчающихся, моих родителей, отца и матери моего мужа, ближайшего родства и шаферов; все остальные приглашенные стояли в так наз. Церковной зале (копии одной из зал дворца в Версале), так что государь, меня ведший в церковь, и я шли по образовавшемуся как бы коридору в толпе

**** Графиня Фекла Павловна Штакельберг, рожденная Шувалова «Теси» (6.4.1861 – 20.2.1939, Лозанна, Швейцария). Дочь графа Павла Андреевича Шувалова (см. сн.) и граф. Ольги Эсперовны, рожденной княжн. Белосельской-Белозерской (29.2.1833 – 21.12.1869). В 1891 г. вышла замуж за графа Густава Эрнестовича Штакельберга (26.8.1853, Вена – 2.3.1917), ген.-лейтенанта, шталмейстера двора е. и. в., убитого во дни февральской революции.

приглашенных. Я, увидев это издали, смутилась и сказала государю: «Собрались поглазеть». Он улыбнулся и сказал: «Они не виноваты – их пригласили». <...>

В мае поехали в рязанские имения моего мужа Меньшие Можары Сапожковского уезда и Нагорное Ряжского уезда. Осенью вернулись опять в Вартемяги С[анкт]-П[етер]бургской губ[ернии] и уезда, и потекла наша мирная семейная жизнь, длившаяся всего 15 лет с небольшим. <...>

Мой муж на 10 лет старше меня и по уму был выдающимся человеком. В 1877 г., будучи пажом, он прошел курс и выдержал экзамены в Артиллерийском училище, и в чине прапорщика попал в августе месяце на фронт в 22 Артиллерийскую арм[ейскую] бригаду. Он был единственный сын моего свекра от первого брака с кн[язн]юю Ольгой Эсперовной Белосельской-Белозерской*. Два его брата, Андрей и Петр, скончались в раннем детстве и похоронены под церковью в Вартемягах. Родных сестер у него было три: баронесса Елена П[авловна] Мейендорф, у которой было 13 человек детей, гр[афиня] Фекла П[авловна] Стакельберг, бездетная, и баронесса Мария П[авловна] Кнорринг, у которой было 4 детей. В январе 1877 г. мой свекр женился вторично (его первая жена скончалась в декабре 1869 г.), на Марии Александровне Комаровой, от которой у него было трое детей: светлейшая кн[ягин]я София П[авловна] Волконская (8 человек детей); гр[аф] Александр Павлович, женатый сперва на Елене Павл[овне] Демидовой (сын и дочь), с которой он развелся, и женился на графине Софье Павловне Ферзен; граф[иня] Ольга П[авловна] Олсуфьева (5 детей). Трое последних – две полусестры и один полубрат моего мужа, были, когда я вошла в шуваловскую семью, совсем еще детьми, а мои золовки, родные сестры мужа, были все много старше меня, старшая из них на 12 лет. По окончании турецкой войны муж мой перевелся в 5-ю Гвард[ейскую] конн[ую] батарею, где и прослужил

* Граф. Ольга Эсперовна Шувалова, рожденная княжна Белосельская-Белозерская (29.2.1833 – 21.12.1869). Дочь кн. Эспера Александровича Белосельского-Белозерского (8.1.1802 – 27.6.1846), ген.-лейтенанта, ген.-адъютанта е. и. в., и княг. Елены Павловны, рожденной Бибиковой (9.12.1812 – 27.2.1888), гофмейстерины двора императрицы Марии Феодоровны. В 1859 г. вышла замуж за графа. Павла Андреевича Шувалова.

до 1891 г., когда назначен был адъютантом в[еликого] кн[язя] Сергея Александровича, когда он получил назначение московского генерал-губернатора. Мой муж был очень любим всеми солдатами того взвода, которым он командовал: знал их семейные положения и помогал им. В 1889 году цесаревич Николай Александрович провел лагерное время в 1-й Гв[ардейской] конной батарее, которая стояла рядом с 5-й батареей, и как-то в разговоре сказал зятю моему гр[афу] Дм[итрию] Серг[еевичу] Шереметеву, что хотелось бы, чтобы все офицеры так знали своих солдат, как мой муж, и так были любимы ими.

В Москве, куда мы переселились летом 1891 г., мы прожили до весны 1896 г. <...>

Мой муж с 1896 года до начала 1898 года был причислен к м[инистерству] в[нутренних] д[ел], а в самом начале 1898 года был назначен и[сполняющим] д[олжность] одесского градоначальника. И в марте месяце мы поехали туда, сперва без детей, и жили в гостинице. В Одессе был Воронцовский дворец, построенный моим прадедом (со стороны матери), св[етлейшим] кн[язем] Мих[аилом] Сем[еновичем] Воронцовым, который принадлежал тоже брату моей матери, принявшему при наследии майората титул светлейшего князя Воронцова и назывался св[етлейшим] кн[язем] Воронцовым – гр[афом] Шуваловым. По совету моей матери я просила его сдать нам дворец; он не соглашался сдавать, но дал мне пользование им на условиях, что он сделает капитальный ремонт, а я все остальное. Дворец давно был необитаем, рамы сгнили, водопровод попорчен и т. д. Занявшись всем этим, выписавши всю мою обстановку, когда ремонт был окончен и мебель расставлена, я поехала за детьми в Вартемыги и перевезла их в Одессу. Дворец стоит на скале над самым портом с чудным видом на море и наибольшим садом, который раньше спускался до самого моря, но часть его была отчуждена для порта. В нашем саду постоянно ночевали босяки, и полиция по нашем переезде разгоняла их, и был установлен постоянный пост. Я просила полицмейстера с согласия моего мужа снять пост, так как верю босякам, и через несколько дней получила по почте благодарственное письмо от босяков, в котором они меня благодарили, и давали мне честное босяцкое слово, что ничего у меня

не пропадет, что я могу оставлять в саду и на террасах все, что я хочу, и не затворять на ночь дверей в дом, так как ничего у меня не будет пропадать. И за все 5 лет, что мы жили в Одессе, ничего никогда у нас не пропало, никаких попыток войти в дом не было, хотя не было никакой охраны, а когда мы покидали Одессу, то получили в простой папке благодарственный адрес от босяков за доброе к ним отношение и выражение грусти о нашем отъезде. К адресу были приложены листы, покрытые многочисленными подписями.

Одесса за время градоначальства моего мужа, по мнению ее знавших, стала «столичным» городом. Муж не брал свое жалование, а организовал страхование полиции: уговорил всех владельцев заводов и фабрик построить больницу, где рабочие лечились даром. Вклады были рассчитаны по количеству рабочих, работающих на заводе. Не помню точно, но, кажется, что на каждые 50 рабочих хозяева должны были уплатить сооружение одной кровати и оплачивание ее содержания; дала сумму денег казна, были частные пожертвования (в том числе и мы), и была выстроена чудная больница, где кроме именных кроватей было целое отделение для общественного пользования; улицы были чистые, дома с №№. Был один еврейский погром: муж ездил сам по городу, умиряя толпу. Не было дано ни одного выстрела, никто не был ранен, окончился погром быстро и обошелся лишь вспарыванием еврейских пуховиков. Две весны подряд была в Одессе чума, занесенная крысами с пароходов. И дальше Одессы она не пошла благодаря вовремя принятым разумным мерам. Муж за это был произведен в генерал-майоры и утвержден в должности. Помню докторов Бурда и Гамалея, помогавших моему мужу.

В 1901 году была очень суровая зима со снегом. Появились допотопные сани, что как-то не вязалось с одесскою флорой. Под самое Рождество пришли, утром 24 декабря, два молодых человека к моему мужу сказать, что 5 поездов стоят на путях, занесенных снегом, не имея возможности двинуться. Пассажиры сидели без еды, без огня (электричество в вагонах потухло), и большинство без теплой одежды, ведь ехали на юг. В складах Кр[асного] Креста были тюки с теплою одеждою (полушубками, шапками, валенка-

ми, башлыками и рукавицами), которые ждали погрузки на пароход, идущий на Дальний Восток. Тогда была китайская война*, и ее величество государыня императрица Мария Федоровна послала эти вещи в подарок, не помню какой части, коей она была шефом. Муж был по должности председателем местного отд[ела] Кр[асного] Креста, а я товарищем председателя. Муж пришел ко мне посоветоваться, и я ему сказала, что он прав, что надо вскрыть эти тюки. Это было сделано, и пять, так сказать, обозов, в каждом по врачу и по несколько человек волонтеров, нагруженные теплыми вещами, были снаряжены спасать пассажиров. Каждый, получавший экипировку, подписывал обязательство вернуть вещи через 48 часов его приезда в Одессу. (Кроме 2-х, все вернули.) Все были благополучно доставлены по своим домам. Муж написал и послал рапорт в Главное управление Кр[асного] Кр[еста] в Петербург, сказав, между прочим, что недостающие вещи он возместит, и получил ответ, что он превысил свои полномочия, но что окончательный ответ будет ему дан после доклада его величеству в такой-то день. Мы с нетерпением ждали этого дня. Помню, как открылась дверь кабинета моего мужа и как он с телеграммой в руке шел по зале ко мне с радостным лицом. Телеграмма была личная ея величества, благодарящая его и всех его сотрудников. Через несколько дней, как только железнодорожные пути были очищены, я поехала в Петербург, так как получила телеграмму от отца, что моя мать больна. Приехавши в С[анкт]-П[етер]б[ург], я позвонила великой княгине Ксении Александровне о своем приезде, и она меня позвала завтракать на следующий день. Я зашла к матери перед отходом, и она сказала: «On vient de me téléphoner d'Anichkoff – Sa Majesté viendra me voir aujourd'hui à 3 heures et Elle veut te voir aussi, ainsi ne tarde pas» [«Мне только что звонили из Аничкова дворца – ее высочество приедет ко мне в 3 часа и хочет тоже повидаться с тобой, поэтому не опаздывай»]. Без четверти три я была дома и к ужасу увидела внизу в передней казака императрицы. Так как шел мокрый снег, а я ехала в санях, то я хотела пробраться к себе и привести себя в порядок. Но мне это не удалось. Мать

* Китайская война – агрессивная война Японии против Китая с целью установления контроля над Кореей в 1894-1895 гг.

меня окликнула, узнав мои шаги, и я ответила: «Я сейчас приду, я совсем мокрая». Но это я услышала голос ее величества: «Мне все равно, что ты мокрая, – иди сюда». Я вошла в гостиную моей матери. Императрица шла мне навстречу со словами: «Je veux encore une fois en ta personne remercier ton mari pour ce qu'il a fait! C'est admirable et je te prie de ne pas oublier de lui écrire que je lui suis infiniment reconnaissante» [«Я хочу снова поблагодарить в твоём лице твоего мужа за то, что он сделал. Это поразительно, и я тебя прошу не забыть ему писать о том, что я ему очень признательна»].

Я начала говорить, что мы благодарны ее величеству за ее отношение, но императрица меня перервала и сказала: «Non, c'est moi qui vous remercie tous les deux; et si tout le monde agissait comme ton mari et toi, la Croix Rouge aurait été populaire. Et maintenant, raconte-moi tout en detail» [«Нет, наоборот, я же вас обоих благодарю, да если бы все люди поступали, как ты и твой муж, Красный Крест стал бы очень популярным. А теперь расскажи мне все в подробностях»]. Ее величество села, посадила меня рядом с собою, ставила вопросы и сказала, между прочим, что она приказала дополнить то, что не было возвращено пассажирами. Я в тот же день написала мужу.

Перед отъездом в Одессу я, как полагалось, была принята ее величеством государыней императрицей Марией Федоровной, и она мне сказала, что ежели я наткнусь на случаи, заслуживающие внимания: острой нужды и пр., чтоб я прямо ей об этом написала. Я получила из Москвы письмо Вл. Ф. Джунковского, написавшего мне по приказанию великой кн[ягини] Елизаветы Федоровны о кадете Жоржике Муравьеве, нуждающемся полечиться на одесских лиманах. Я ответила, что займусь им, и Жоржик приехал. Сперва мы его взяли к себе, собрана была консультация. Случай был запущенный: Жоржик ушиб ногу в колене, у него было воспаление и высокая температура. Врачи решили попробовать лечение грязевыми ваннами на Хаджибейском лимане, но лечение не помогло. Опять консультация, которая вынесла решение, что необходимо ампутировать ногу. Родители Жоржика жили в Туркестане; отец его был полковником в одном из тамошних полков. Я написала им; мать приехала и дала согла-

сие на ампутацию. Московский Кадетский корпус принял его обратно, но через год я получила письмо от его отца, что у Жоржика сверх туберкулеза колена обнаружился туберкулез легкого, что врачи настаивают на помещении его в санаторию. Я написала ее величеству. В учреждениях Ведомства императрицы Марии была санатория в Финляндии в Халала; ее величество приказала принять Жоржика на одну из стипендий ее имени. Вскоре я получила опять письмо от отца Жоржика, что врачи в Халиле, куда он ездил навестить сына, дают ему 3 года жизни. Письмо было полно отчаяния, ни о чем он не просил, а лишь болел душою, что сына он больше не увидит и что он никоим образом не может перевестись поближе к сыну. Я была тогда за границей, просить ее величество о переводе полковника Муравьева я не решилась, но оставить без ответа такое письмо я не могла, и я написала моей матери, приложив письмо Муравьева и рассказав в общих чертах всю историю Жоржика. Очень скоро я получила от матери ответ, что императрица велела мне передать, что она займется этим вопросом. Муравьеву я написала лишь сочувственное письмо. Прошло некоторое время, и я получила от него письмо из С[анкт]-П[етер]б[урга], в котором он рассказывает, что вдруг по высочайшему повелению он был прикомандирован к Главному штабу. Когда он являлся военному министру Куропаткину*, тот ему сказал, что его перевод состоялся по личному желанию государыни императрицы Марии Федоровны, и спросил его: откуда ее величество его знает, и сказал, что он должен просить представления ее величеству и благодарить. Он просил, был принят, благодарил, а императрица ему сказала: «Благодарите не меня, а такую-то (назвав меня), я от нее узнала». Жоржик скончался ровно через два года. Началась японская война. С какой-то маленькой станции Сибирской железной дороги я получила письмо от Муравьева, в котором он говорил, что всегда молится за ее величество и за меня, и что если он будет убит, то его последняя молитва будет за нас. Я просила представления у ее

* Алексей Николаевич Куропаткин (17.3.1848, Псковская губерния – 16.1.1925, с. Шешурино, Тверская обл.), генерал от инфантерии, генерал-адъютант е. и. в., военный министр (1898-1904), главнокомандующий всеми русскими войсками на Дальневосточном фронте (1904-1905), с 1906 г. член Государственного совета, туркестанский генерал-губернатор (1916-1917).

величества, она выслушала мои слова и сказала: «Grâce à toi, il y a quelqu'un qui prie pour moi» [«Благодаря тебе хоть кто-то молится за меня»].

В 1903 году весной мы Одессу покинули. Причиной отъезда было следующее. В то время Департамент полиции и вел[икий] кн[язь] Сергей Александрович были за введение на фабриках агентов, которые устраивали бы лекции, спектакли, библиотеки и одновременно следили бы за левыми элементами, которые по их указанию арестовывались. Инициатором был некий Зубатов, служивший в Департаменте полиции, так что это носило название «зубатовщины». Муж получил от министра внутренних дел Плеве сообщение, что очередь за Одессою, и что ему надо ввести это на тамошних заводах и фабриках. Муж, который считал, что эта мера недостойна правительства, был возмущен и поехал в С[анкт]-П[етер]б[ург] и письменно докладывал свое мнение, но министр настаивал, и муж отказался это вводить, и подал в отставку. Ко всему прочему, во главе этой организации была назначена некая Вильбушевич*, которая, по сведениям мужа, была двойною агентшей. Уходя, муж подал докладную записку, в которой подробно высказался и предсказал не позже 6 месяцев бунт рабочих, которые за все 5 лет градоначальства мужа ни разу не бунтовали, так как видели заботу об их благосостоянии и очень уважали мужа. Мы поехали из Одессы к себе в Вартемяги; муж был прикомандирован к министерству внутренних дел. Градоначальником в Одессу был назначен почтенный генерал Арсеньев**.

В конце лета в Одессе произошел бунт рабочих, и я получила телеграмму от министра внутренних дел Плеве, спрашивающего, может ли он приехать завтракать в такой-то день; я, конечно,

* Мария Вульфовна (Владимировна) Вильбушевич, в замужестве Шохат (1879-1961), дочь купца; за принадлежность к бундовским кружкам была арестована; беседы с *Зубатовым* во время допросов произвели на нее огромное впечатление. Находясь под их влиянием, Вильбушевич делается руководительницей образованной в 1901 г. «Еврейской независимой рабочей партии», которая, по мысли Зубатова, должна была служить противовесом «*Бунду*». После распада партии в 1903 г., вместе с падением Зубатова, уехала из России. Поселившись в Палестине, стала одной из видных деятельниц сионизма.

** Д.Г. Арсеньев, генерал-лейтенант, одесский градоначальник с мая по август 1903 г.

ответила утвердительно. Когда я вышла его встречать, он мне сказал, что приехал исключительно для того, чтобы заявить мне, что я должна гордиться своим мужем, что он был прав, и что теперь ему, Плеве, предстоит бороться с теми, кто проводит эту систему.

Провожали нас из Одессы очень сердечно, и жаль было уезжать. Муж любил свою работу, и у меня было много дела по благотворительности. <...>

